

УДК 343.97

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-325-331

Полицейская девиантность: причины и возможности преодоления

Андрей Вячеславович Никуленко

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

nikulenkoa@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1332-4621

Аннотация

В современной России проблема баланса между осуществлением правоохранительной деятельности (полицейской, прежде всего) и обеспечением прав и свобод человека и гражданина приобретает все большую актуальность. Особое значение придается правовому регулированию деятельности полиции и представителей других правоохранительных ведомств с тем, чтобы в их распоряжении имелись четкие и понятные правовые механизмы ограничения гражданских прав. Однако стремление подвести правовую основу под полицейскую деятельность, на наш взгляд, привело к чрезмерной урегулированности возможного и должного поведения самих сотрудников полиции. Причем регулятивное законодательство различных «силовых» ведомств существенно отличается в плане применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, то есть средств ограничения прав и свобод. Это представляется оправданным, поскольку каждое ведомство решает собственные задачи, однако в одних и тех же ситуациях представители, например, ФСБ России, полиции и Росгвардии имеют разные основания для применения оружия. Стремление законодателя максимально регламентировать данную сферу привело к противоречиям между различными нормативными правовыми актами и, в частности, это касается уголовного законодательства.

Данное обстоятельство порождает различные формы девиантного поведения сотрудников полиции, оказавшихся в очередной стрессовой ситуации, которыми изобилует правоохранительная служба.

На наш взгляд, действующих норм Уголовного кодекса Российской Федерации, прежде всего, норм главы 8, явно недостаточно. К тому же, их законодательные формулировки далеки от совершенства и позволяют переложить вину за причинение вреда на лиц, осуществляющих причинение вреда в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Ключевые слова

девиантность полицейских, уголовное законодательство, меры пресечения, правомерное причинение вреда, виктимность сотрудников полиции

Для цитирования: Никуленко, А. В. (2022). Полицейская девиантность: причины и возможности преодоления. *Российский девиантологический журнал*, 2(3), 325–331. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-325-331.

Police deviance: causes and possibilities of overcoming

Andrei V. Nikulenko

Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Saint Petersburg, Russia)

nikulenkoa@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1332-4621

Abstract

In modern Russia, the problem of the balance between the implementation of law enforcement activities (firstly, police ones) and ensuring the rights and freedoms of man and citizen is becoming increasingly relevant. Special significance is attached to the legal regulation of the activities of the police and representatives of other law enforcement agencies so that they have clear and understandable legal mechanisms for restricting civil rights at their disposal. However, the desire to provide a legal basis for policing, in our opinion, has led to excessive regulation of the possible and proper behavior of the police officers. Moreover, the regulatory legislation of various «law enforcement» agencies differs significantly in terms of the use of physical force, special means and firearms, in other words, means of restricting rights and freedoms. That seems reasonable, since each department solves its own tasks, but in the same situations, representatives of, for example, the FSB of Russia (the Federal Security Service of the Russian Federation), the police and the National Guard of Russia have different grounds for using weapons. The legislators' efforts to regulate this area as much as possible have led to contradictions between various regulatory legal acts, especially in criminal legislation.

This circumstance generates various forms of deviant behavior of police officers when they face with stressful situations in their law enforcing.

In our opinion, the current norms (particularly of Chapter 8) of the Criminal Code of the Russian Federation are clearly insufficient. In addition, their statutory wording is not perfect. They make it possible to shift the blame for causing harm on persons who cause this harm under circumstances without criminality of the act.

Keywords

police deviance, criminal legislation, preventive measures, lawful harming, victimization of police officers

For citation: Nikulenko, A. V. (2022). Police deviance: causes and possibilities of overcoming. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(3), 325-331. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-325-331.

По справедливому мнению Я. И. Гилинского «Фундаментальные изменения социальной реальности привели к смене — или пониманию необходимости такой смены — парадигмы (системы научных представлений) в общественных науках» (Гилинский, 2021, с. 10). Современные концепции девиантности и социального контроля в социологии, криминологии, девиантологии (социологии девиантности и социального контроля) утверждают: самосоциальная «реальность является девиантной», а потому «следует интересоваться собственно девиантностью, а не рациональностью» (Бороноев, 1994, с. 8); «феномен девиации — интегральное будущее общества» (Higgins & Butler, 1982, с. 8); «девиантность — будущее современности» (Sumner, 1994, с. 3). Так что «следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля» (Luhmann, 1992, с. 17), «институты, призванные корректировать поведение, на самом деле воспроизводят отклонения... Тюремь не столько «вновь приспособливают» к обществу людей, сколько делают их профессиональными преступниками» (Монсон, 1995, с. 63), «попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал» (Бауман, 1996, с. 193), а «основа закона есть не что иное, как произвол» (Бурдье, 1996, с. 15).

В Российской Федерации проблемы девиации не являются исключением.

Несомненно, обострение социальных противоречий, согласно теории отечественной и зарубеж-

ной криминологии (XIX — нач. XX вв.), должно сопровождаться энергичным ростом преступности. Однако в течение последних лет наблюдается обратная ситуация. «Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2020 год свидетельствуют о снижении числа зарегистрированных преступлений против личности. По сравнению с прошлым годом их количество уменьшилось на 5,1 %, в том числе убийств и покушений на убийство — на 3,2 %; умышленных причинений тяжкого вреда здоровью — на 6,7 %.

Количество граждан, погибших от преступных посягательств, сократилось на 5,2 %. Число лиц, которым причинен тяжкий вред здоровью, — на 6,9 %.

Зафиксировано снижение на 9,5 % числа преступлений в семейно-бытовой сфере, в том числе на 15,8 % — фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, на 13,5 % — вреда средней тяжести; на 10% — легкого вреда здоровью.

По итогам 2020 года отмечается уменьшение числа разбоев — на 21,7 %; грабежей — на 16,2 %; общего количества краж — на 3 %, в том числе квартирных — на 22,6 % и краж транспортных средств — на 27,1 %.

Показатели статистики подтверждают эффективность профилактической работы подразделений МВД России с несовершеннолетними. Количество преступлений, совершенных ими и при их участии, в 2020 году уменьшились на 9,1 %. В то же время, общее число зарегистрированных в стране

преступлений увеличилось на 1%, тяжких и особо тяжких – на 14 %»¹.

В 2021 году данная тенденция имела продолжение. «Анализ статистических сведений о состоянии преступности в 2021 году свидетельствует о том, что оперативная обстановка в стране оставалась стабильной и контролируемой. Снижение количества зарегистрированных преступлений по сравнению с 2020 годом составило 1,9 %.

Отмечается сокращение числа противоправных деяний по ряду составов, в том числе убийств и покушений на убийство – на 4,7 %; умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 10,6 %; разбоев – на 16 %; грабежей – на 18,1 %; краж – на 2,4 %. В то же время, удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных, возрос с 27,6 % в январе–декабре 2020 года до 27,9 %»².

”

*Стремление подвести
правовую основу под
полицейскую деятельность,
на наш взгляд,
привело к чрезмерной
урегулированности
возможного и должного
поведения самих
сотрудников полиции*

”

Некоторые специалисты, в том числе Я. И. Гилинский, склонны верить этим данным, объясняя это общемировыми тенденциями ухода криминально активной части населения в виртуальную реальность (Гилинский, 2017, с. 15; Humphrey, 2006, с. 272). Причем на западе, в частности, в США, это происходит намного стремительнее, особенно в студенческой среде, чем в России (Finn, 2004; Watts et al., 2017; Гуринская, 2020, с. 18). Отчасти, разумеется, так и происходит. Так, в 2020 году число преступлений, совершенных

с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4 %, в том числе с использованием сети «Интернет» – на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи – на 88,3 %. Хотя при этом и отмечается, что темп роста зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, замедлился. По итогам 12-ти месяцев 2021 года их количество выросло незначительно – на 1,4 %.

В январе–декабре 2021 года зарегистрировано 517,7 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 1,4 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 25,0 % в январе–декабре 2020 года до 25,8 %.

Больше половины таких преступлений (55,7 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких (288,3 тыс.; +7,7 %), более двух третей (67,9 %) совершается с использованием сети «Интернет» (351,5 тыс.; +17,0 %), почти половина (42,0 %) – средств мобильной связи (217,6 тыс.; –0,5 %).

Только в Санкт-Петербурге темп прироста числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации составил 824,8 % (!), в Москве, Севастополе, Омской, Калужской, Новосибирской, Ленинградской областях и ряде других регионов – более 100 %.

Однако мы объясняем этот парадокс гораздо проще — идет процесс свертывания противодействия государства преступной экспансии, своеобразная «денационализация» борьбы с преступностью, которая в свою очередь, вызвана отвлечением больших кадровых и технических ресурсов на политическое противостояние и неуклонным снижением уровня оперативно-розыскного, следственного, прокурорского и судейского мастерства, падением качества нормативного обеспечения возбуждения, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел (Милюков, Никуленко, 2020а, с. 29).

В данном случае вынуждены согласиться с мнением Я. И. Гилинского: «Вместе с тем, как во всем мире, так и в современной России наблюдается наличие и рост различных девиаций, как следствие глубоких социальных изменений, присущих обществу постмодерна. Такие формы девиантности как организованная преступность, коррупция, терроризм, киберпреступность, алкоголизация и наркотизация населения, самоубий-

¹ Здесь и далее приведена официальная статистика МВД России. Электронный ресурс: <https://мвд.рф/reports/item/20597695/>. Дата обращения 13 июня 2022 г.

² Здесь и далее приведена официальная статистика МВД России. Электронный ресурс: <https://мвд.рф/reports/item/20597695/>. Дата обращения 13 июня 2022 г.

ства, усиленные экономическими и политическими кризисами, не способствуют развитию современного общества. Существует объективный социальный заказ, не всегда осознаваемый и артикулируемый, на проведение международных и отечественных девиантологических исследований и развитие социологии девиантности и социального контроля (девиантологии) как специальной социологической теории» (Гилинский, 2021, с. 13).

До настоящего времени наиболее распространенным в девиантологии был термин «девиантное поведение» (deviant behavior).

Девиантное или отклоняющееся (лат. deviatio — отклонение) поведение всегда связано с каким-либо несоответствием человеческих поступков, действий, видов деятельности — распространенным в обществе или его группах ценностям, правилам.

Согласимся и с предлагаемым Я. И. Гилинским определением: «девиантное поведение (deviant behavior) — это поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям.

При этом под «официально установленными» понимаются формальные, правовые нормы, а под фактически сложившимися — нормы морали, обычаи, традиции» (Гилинский, 2021, с. 21).

Наконец, прояснив некоторые понятия, мы можем перейти непосредственно к вопросу нашего исследования, а именно, девиантному поведению сотрудников правоохранительных органов при исполнении ими своих служебных обязанностей.

Ни для кого не секрет, что деятельность правоохранительных органов тесно связана с конфликтами в социальной среде, что, в свою очередь, вынуждает самих сотрудников оказываться в конфликтной ситуации. А любая конфликтная ситуация приводит к активному поведению, не всегда отвечающему требованиям не то, что законности, но даже морали. Причем стрессовость и скоротечность ситуации требуют адекватного поведения, что практически невозможно для любого, даже весьма подготовленного человека. Неслучайно, законодатель стремится максимально урегулировать (достаточно обратиться всего лишь к главе 5 Федерального закона «О полиции», не говоря о многочисленных внутренних инструкциях) возможные варианты поведения сотрудника правоохранительных органов (в частности, полицейского), отбирая всякую инициативу в выборе варианта поведения, адекватного складывающейся ситуации.

По справедливому мнению профессора В. В. Черникова: «Риски пронизывают всю плоть правовой материи. Они являются постоянными спутниками праворегулирования и правоприменения в любой сфере жизнедеятельности. Большой заряд риска содержит

законодательство, регламентирующее полицейскую деятельность государства (полицейское законодательство). Это, пожалуй, один из самых «рискованных» правовых институтов сферы правоохраны.

Во многом такое положение обусловлено самой природой и характером полицейской деятельности, которая сопровождается высокой степенью экстремальности, конфликтности и нестандартности. Назовем только два фактора, подтверждающих эту мысль» (Черников, 2019, с. 41–42).

”

*Любая конфликтная ситуация
приводит к активному
поведению, не всегда
отвечающему требованиям
не то, что законности,
но даже морали*

“

«Так, по сравнению с представителями других профессий, сотрудник полиции на протяжении едва ли не всего времени, а не только чисто служебного, пребывает в состоянии постоянного напряжения, ибо всегда ожидает экстренного вызова на службу, а равно должен находиться в состоянии готовности выполнять общие обязанности полиции и использовать права, предусмотренные соответственно частью 2 статьи 27 и частью 3 статьи 28 Федерального закона 7 февраля 2011 года №3-ФЗ «О полиции».

Можно указать и на такую существенную особенность полицейской профессии, как повышенная victimность большинства видов деятельности. Сотрудник полиции, члены его семьи, близкие, с большей вероятностью могут стать объектом шантажа, угроз, запугивания, а то и оказаться жертвой агрессии со стороны правонарушителей. Данное обстоятельство сказывается на эмоциональной сфере сотрудника полиции, играет роль психотравмирующего фактора». Именно это сейчас и происходит, когда данные о сотрудниках правоохранительных органов выкладываются в открытом доступе в Telegram-канале.

«Наконец, в рискованную ситуацию сотрудника полиции ставят чрезмерно широкие и размытые дискреционные полномочия, предоставленные ему законом и подзаконными регламентами деятельности. Во многих случаях полицейский принимает решения и осуществляет властные предписания в пределах предельно пространных полномочий либо в рамках альтернативных полномочий, когда последствия не всегда просчитываются».

Административное усмотрение – необходимое свойство полицейской деятельности. Такая свобода действий проистекает из исключительно сложного характера объекта полицейской деятельности (поведение людей) и ее многофакторности. В таких условиях нереально дать исчерпывающую, детальную и достоверную правовую регламентацию (ее алгоритм) полицейской деятельности, а, с другой стороны, целесообразно предоставить полицейскому свободу выбора способов действия в условиях динамично изменяющейся административной реальности.

Учитывая данные обстоятельства, государство умеренно регулирует определенный круг общественных отношений «с поправкой» на инициативу, предоставляя полицейскому свободу действий в процессе реализации возложенных на него публичных функций. Так, возлагая на полицию обязанность пресекать преступления и административные правонарушения, законодатель оставляет выбор способа ее выполнения за полицейскими. Это может быть, например, обращение к лицу, совершающему противоправное деяние, с требованием прекратить его. Аналогичное обращение возможно к организатору либо участнику несогласованной публичной акции. В зависимости от характера общественно опасного деяния полицейские могут также использовать физическую силу или специальные средства, либо оружие. А равно применить иные меры пресечения, предусмотренные законом.

Вместе с тем, большой «правовой люфт» действий всегда опасен, он содержит потенциальную угрозу совершения правоприменителем ошибок, поэтому многие ученые выступают за разумные границы дискреционных полномочий органов внутренних дел и их сотрудников...

Другим примером может служить ситуация, связанная с применением оружия в отношении несовершеннолетних. Закон о полиции содержит категорический запрет на применение оружия против несовершеннолетнего, если его возраст очевиден либо об этом знает сотрудник полиции. Вместе с тем, уголовный закон в статьях о необходимой обороне и крайней необходимости таких исключений не делает (см. ст. 37 и 39 УК РФ).

Оружие можно применять в вышеуказанных случаях в отношении любого человека.

Именно это то и порождает различные девиации у самих полицейских. Продолжая и развивая мысль профессора В. В. Черникова, мы ведем речь о ситуациях, когда сотрудник правоохранительных органов вместо выполнения возложенных на него профессиональных обязанностей, разумеется, непосредственно связанных с риском, предпочитает бездействовать, дабы не рисковать и, тем самым, не породить правовых последствий, могущих негативно сказаться на его карьере или даже повлечь привлечение к различным видам ответственности, вплоть до уголовной. Причем, это становится предпочтительным вариантом поведения для полицейского, а укоренившись в его сознании мысль о наказуемости всякой инициативы, лишает даже малейшего стремления что-либо изменить в любой незнакомой (стрессовой, а значит – рискованной) ситуации.

В результате таких изменений в правовом сознании полицейского, вместо «умных штыков» (Зимин, 1992) мы получаем бездумного, а стало быть, зачастую и бездушного исполнителя, могущего лишь выполнять любые приказы вышестоящего руководства, без оглядки на правовое поле и даже здравый смысл.

Несомненно, когнитивный диссонанс, в который попадает полицейский в силу сложившейся ситуации, приводит к еще более негативным последствиям в поведении сотрудника, которое становится девиантным, так как он не может, а зачастую и не хочет (предвидя осложнения) добросовестно выполнять свои служебные обязанности.

Достаточно убедительно это подтверждают немногочисленные случаи применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов, которые используют имеющийся у них на вооружении арсенал лишь в крайних случаях, когда угроза их жизни или здоровью становится неотвратимой и настолько очевидной, что срабатывает инстинкт самосохранения, а никак не требования выполнения профессиональных функций.

Юридическая незащищенность сотрудников полиции становится угрозой для российского общества, негативно влияет на правопорядок в стране, а также порождает неуважение к государственной власти, которая, по мнению граждан, не в состоянии его обеспечить.

Широко «разрекламированные» и не менее широко обсуждаемые изменения в Федеральном законе «О полиции»³, на наш взгляд, лишь подкрепляют правовую основу поведения полицейских, которые и так долж-

³ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 424-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции». Российская газета.

ны были осуществлять соответствующие действия, основываясь на дозволильных нормах уголовного законодательства и руководствуясь здравым смыслом (Милюков, Никуленко, 2020b). Тем не менее, эти «революционные» изменения вызывали и продолжают вызывать негативные отклики⁴.

В целом, оценивая положительно внесенные изменения, нельзя не упомянуть о «размывании» законодательной ткани. Там, где происходит вторжение в частную жизнь граждан, ограничение их конституционных прав, хотя и для благой социально полезной цели, на наш взгляд, следует руководствоваться нормами уголовного, а никак не регулятивного законодательства. Ведь правомерность действий сотрудников полиции оценивается исключительно на предмет их соответствия нормам уголовного законодательства, и ответственность наступает именно по УК РФ. Подобный разброс нормативной базы вносит явную сумятицу в сознание непосредственных правоприменителей, прежде всего полицейских, вовсе не вселяя в них уверенность в правильности (правомерности) своего поведения, но также порождает ошибки в работе контролирующих органов – надзирающей за законностью прокуратуры, органов предварительного расследования и, разумеется, суда.

Опираясь непосредственно на личный опыт правоохранительной деятельности, участия в охране общественного порядка и обеспечения общественной без-

опасности в ходе различных массовых мероприятий и повседневной служебной деятельности, можем уверенно заявить, что столь глобального разброса в регулировании деятельности правоохранительных органов, стремлении алгоритмизировать (выхолостить) процесс осуществления полицейским служебных обязанностей, современная законодательная действительность еще не знала.

При таком состоянии законодательства, ожидать от полицейских качественного исполнения своих функциональных обязанностей, вряд ли возможно. Тем более что мотивация к службе посредством выполнения показателей (имеется в виду система оценки труда полицейских) не имеет смысла.

Разумеется, исправить сложившуюся ситуацию возможно, но для этого необходимо не только и не столько повышение уровня доверия граждан, сколько наличие убежденности со стороны государства в необходимости целенаправленной правоохранительной деятельности, не сужая, а расширяя возможности полицейского усмотрения (не допуская произвола). Ведь именно активное поведение правоохранителей, вовлеченность в механизм регулирования и общественные процессы, готовность противостоять нарушениям закона способствуют реализации основополагающих прав и свобод человека и гражданина, и соответственно их эффективной защиты.

Список литературы

- Бауман, З. (1996). *Мыслить социологически*. Москва: Аспект Пресс.
- Бороноев, А. О. (ред.) (1994). Интервью с профессором Н. Луманом. В *Проблемы теоретической социологии*. Санкт-Петербург: Петрополис.
- Бурдые, П. (1996). *За рационалистический историзм*. Москва: Институт экспериментальной социологии.
- Гилинский, Я. И. (2017). *Девиантность в обществе постмодерна*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Гилинский, Я. И. (2021). *Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»*: монография. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Гуринская, А. Л. (2020). Безопасность студентов на университетском кампусе: угрозы и меры противодействия. В С. У. Дикаев (ред.), *Преступность несовершеннолетних и её профилактика: материалы Межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А. В. Комарницкого* (Санкт-Петербург, 27 декабря 2019 года, стр. 16-19). Санкт-Петербург: Печатный Цех.
- Зимин, В. П. (1992). Правомерное исполнение приказа: доктрина «умных штыков». *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 2, 35-45.
- Милюков, С. Ф., Никуленко, А. В. (2020а). *Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние*: монография, 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Юридический центр.
- Милюков, С. Ф., Никуленко, А. В. (2020b). Модернизация федерального закона «О полиции» в сфере действия норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3 (61), 9-13.
- Монсон, П. (1995). *Лодка на аллеях парка. Введение в социологию*: пер. со швед. Москва: Весь мир.
- Черников, В. В. (2019). Риски полицейского законодательства. *Юридическая техника*, 13, 41-46.
- Sumner, C. (1994). *The Sociology of Deviance. An Obituary*. Buckingham: Open University Press.

⁴ <https://www.fontanka.ru/2020/05/16/69261853/> (дата обращения – 16.05.2022); <https://journal.tinkoff.ru/news/pravo-police/> (дата обращения – 14.05.2022).

- Higgins, P. C., & Butler, R. R. (1982). *Understanding Deviance*. New York: McGraw–Hill Book Company.
- Humphrey, J. A. (2006). Cyberdeviance. In *Deviant Behavior* (Ch. 13, pp. 272-295). New York: Prentice Hall.
- Luhmann, N. (1992). *Beobachtungen der Moderne*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Finn, J. (2004). A survey of online harassment at a university campus. *Journal of Interpersonal violence*, 19(4), 468-483. <https://doi.org/10.1177/0886260503262083>
- Watts, L. K., Wagner, J., Velasquez, B. J., & Behrens, Ph. I. (2017). Cyberbullying in higher education: A literature review. *Computers in Human Behavior*, 69, 268-274. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.12.038>

References

- Bauman, Z. (1996). *Mysl' sociologicheski*. Moscow: Aspekt Press.
- Boronoev, A. O. (red.) (1994). Interv'yu s professorom N. Lumanom. V *Problemy teoreticheskoi sociologii*. Saint Petersburg: Petropolis.
- Burde, P. (1996). *Za racionalisticheskii istorizm*. Moscow: Institut eksperimental'noi sociologii.
- Gilinskii, Ya. I. (2017). *Deviantnost' v obshchestve postmoderna*. Saint Petersburg: Aleteiya.
- Gilinskij, Ya. I. (2021). *Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij»*: monografiya. Saint Petersburg: Aleteiya.
- Gurinskaya, A. L. (2020). Bezopasnost' studentov na universitetskom kampuse: ugrozy i mery protivodeistviya. V S. U. Dikaev (red.), *Prestupnost' nesovershennoletnih i ee profilaktika: materialy Mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferencii, posvyashchenoi pamyati professora A. V. Komarnickogo (Sankt-Peterburg, 27 dekabrya 2019 goda, str. 16-19)*. Saint Petersburg: Pechatnyi Cekh.
- Zimin, V. P. (1992). Pravomernoe ispolnenie prikaza: doktrina «umnyh shtykov». *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*, 2, 35-45.
- Milyukov, S. F., Nikulenko, A. V. (2020a). *Prichinenie vreda pri zaderzhanii lica, sovershivshogo obshchestvenno opasnoe deyanie*: monografiya, 2-e izd., pererab. i dop. Saint Petersburg: Yuridicheskij centr.
- Milyukov, S. F., Nikulenko, A. V. (2020b). Modernizatsiya federal'nogo zakona «O policii» v sfere dejstviya norm ob obstoyatel'stvah, isklyuchayushchih prestupnost' deyaniya. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 3 (61), 9-13.
- Monson, P. (1995). *Lodka na alleyah parka. Vvedenie v sociologiyu*: per. so shved. Moscow: Ves' mir.
- Chernikov, V. V. (2019). Riski policejskogo zakonodatel'stva. *Yuridicheskaya tekhnika*, 13, 41-46.
- Sumner, C. (1994). *The Sociology of Deviance. An Obituary*. Buckingham: Open University Press.
- Higgins, P. C., & Butler, R. R. (1982). *Understanding Deviance*. New York: McGraw–Hill Book Company.
- Humphrey, J. A. (2006). Cyberdeviance. In *Deviant Behavior* (Ch. 13, pp. 272-295). New York: Prentice Hall.
- Luhmann, N. (1992). *Beobachtungen der Moderne*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Finn, J. (2004). A survey of online harassment at a university campus. *Journal of Interpersonal violence*, 19(4), 468-483. <https://doi.org/10.1177/0886260503262083>
- Watts, L. K., Wagner, J., Velasquez, B. J., & Behrens, Ph. I. (2017). Cyberbullying in higher education: A literature review. *Computers in Human Behavior*, 69, 268-274. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.12.038>

Информация об авторе:

Андрей Вячеславович Никуленко – профессор кафедры уголовного права, доктор юридических наук, доцент.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Andrei V. Nikulenko – Professor of the Department of Criminal Law, Doctor of Law, Associate Professor.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 25.05.2022
Одобрена после рецензирования 30.06.2022
Опубликована 29.10.2022

Submitted May 25, 2022
Approved after reviewing June 30, 2022
Accepted October 29, 2022